

"Новь"

Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания.

Серия "История эстетики в памятниках и документах"

М., "Искусство", 1995

Scan [ImWerden](#)

OCR [Бычков М. Н.](#)

"Печатаю этот небольшой рассказ и зная, что в публике ходят слухи о большом произведении, над которым я тружусь, я чувствую потребность обратиться к ее снисходительности. Задуманный мною роман все еще не кончен; надеюсь, что он появится в "Вестнике Европы" в течение нынешнего года, а пока -- пусть не погневаются на меня читатели за настоящее *captatio benevolentiae* {заискивание чьего-либо расположения (*латин.*).} и пусть, в ожидании будущего, прочтут мой рассказ не как строгие судьи, а как старые знакомые -- не смею сказать: приятели".

Г. Тургенев счел нужным сопроводить таким примечанием рассказ "Часы". Оно очень характерно, это примечание. В нем выразилось и сознание стародавнего любимца русского читающего люда, что он перестал быть любимцем, и грусть этого сознания, и желание вернуть старые приятельские отношения, и надежда на осуществление этого желания. Все очень естественные, законные чувства. Кто привык "вязать и решать", быть выразителем и отчасти даже "властителем дум" своих современников, кто привык видеть, как толпа с волнением ждет его слова, тому тяжело очутиться в положении г. Тургенева. Кругом сумрачно и холодно, холодные, чужие лица, несколько даже изумленные изящною повелительностью манер бывшего любимца. Они знают, конечно, прошедшее любимца, но не переживали его с ним вместе, знают только как совершившийся факт, который был и былшем порос, а потому самоуверенность и плавная величественность, снисходительная небрежность движения этого человека для них непонятны, несколько даже смешны. Очень тоже все это естественно, но от того не легче развенчанному любимцу, особенно, если он знает, как знает г. Тургенев, что старость-Далила не остригла его волос, что он -- тот же Самсон, способный по-старому волновать и трогать читателя. Ему непременно должно казаться, что все дело в каком-то пустячном, ничтожном недоразумении, устранить которое чрезвычайно легко тоже каким-то пустяком, вроде грациозного жеста или приятной улыбки. Но черт их знает, этих людей с такими холодными, чужими лицами, черт их знает, в чем они полагают грацию и какую улыбку назовут они приятною! Тут так легко попасть впросак. Да и положим, наконец, что искомое найдено, нельзя же его пустить в ход с поспешностью человека, напрашивающегося, нуждающегося. Нет, надо, конечно, показать, что возобновить или вновь установить приятельские отношения очень желательно, но, с другой стороны, надо все-таки сохранить отчасти вид человека, которому, собственно говоря, совершенно наплевать. И вот, когда этих надежд, опасений, сомнений, алканий достаточно накопится на душе у бывшего любимца, он пишет вышеприведенное примечание к рассказу "Часы".

А затем он пишет "Новь".

Охлаждение русских читателей к г. Тургеневу ни для кого не составляет тайны, и меньше всех -- для самого г. Тургенева. Охладела не какая-нибудь литературная партия, не какой-нибудь определенный разряд людей -- охлаждение всеобщее. Надо правду сказать, что тут действительно замешалось одно недоразумение, пожалуй, даже пустячное, которое нельзя, однако, устранить ни грациозным жестом, ни приятной улыбкой, потому что лежит оно, может быть, больше в самом г. Тургеневе, чем в читателях. Г. Тургенев -- не то чтобы в самом деле Самсон, но все-таки сила, навсегда вписавшая свое имя в историю русской литературы. Но какие странные, невозможные требования предъявляются этой силе публикой! Русская беллетристика не клином сошлась на г. Тургеневе. Есть у нас и другие крупные таланты, не ниже тургеневского, с которыми, однако, читатели не обходятся так деспотически. Если новое произведение, например Толстого, Достоевского, вызывает иногда сожаление, что автор взял не ту тему, которую по тем или другим соображениям должен был взять, если даже кое-кто берется при этом указывать им сюжеты, достойные их пера, то все эти требования, сожаления, указания предъявляются применительно к свойствам таланта писателя или к кругу знакомых ему явлений.

В общем, мы своих наличных любимых писателей знаем удовлетворительно. Знаем, на какие явления они по свойствам своих талантов лучше всего отзываются, знаем, что они любят и чего не любят, знаем, какие явления им наиболее знакомы, и потому редко предъявляем им какие-нибудь неразумные требования. Совсем не то с г. Тургеневым. От него требуется, чтобы он, как выражается полупьяный купец в одном рассказе Горбунова, "ловил момент". Печатаю, например, г. Тургенев "Вешние воды" --